

Dreams

Анна Бялко

СНЫ мегаполиса

OCTOPUS

Анна Бялко

Сны мегаполиса (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164815

Сны мегаполиса: Октопус; 2005

ISBN 5-94887-024-3

Аннотация

«Сны мегаполиса» – современные городские новеллы, в которых, как во сне, стирается граница между реальностью и фантазией. Действительность в них преобразается, а все мечты выглядят осуществимыми. Вы узнаете тайну старого дома, познакомитесь с чертовой бабушкой, посетите страну фей... И забудете о всех делах и проблемах!

В сборник вошли произведения:

Образ мыслей – Новелла

Старый дом – Новелла

Чертова бабушка – Новелла

Фея молчания – Новелла

Малая Мстя – Новелла

Содержание

Образ мысли	4
Старый дом	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Бялко

Сны мегаполиса

Образ мысли

Вы, конечно, читали в детстве сказку про Золушку? Она вам нравится? Вы хотели бы – пусть иногда, пусть ненадолго – оказаться в ней на месте героини? Наверное, девяносто девять процентов молоденьких девушек, зажмурив от предвкушения глаза, ответили бы на этот вопрос горячим: «Да!»

Ася принадлежала к тому последнему, оставшемуся, проценту. Потому что совершенно точно знала: принц и фея, они то ли будут, то ли нет, и вообще еще ничего не известно. А вот мачеха с сестрами – это зато каждый день и в больших количествах. И даже при том, что сестра у Аси была всего одна, а мачеха, в общем, не злая, да и отец работал совсем не лесничим, радости от этого всего было немного.

Когда домашняя жизнь совсем уж ее доставала, Ася уходила в свою комнату – была у нее такая в огромной отцовской квартире – закрывала дверь поплотнее, садилась за письменный стол, накрывала ладонями уши и изо всех сил говорила сама себе, что все происходящее – ее собственный выбор, самостоятельное взрослое решение, во всех отношениях совершенно правильное, она сама его приняла, и вооб-

ще... Что уж теперь...

Все это было чистой правдой. Пять лет назад, когда Ася заканчивала выпускной школьный класс, собиралась поступать в Университет и переживала свою самую первую любовь, ее родная мать, с которой они счастливо жили вдвоем в своей небольшой квартирке, собралась замуж. В этом не было ничего ни страшного, ни необычного. В самом деле, асина мама была еще достаточно молодой, всегда считалась красавицей, и сама Ася, купающаяся в радостных волнах первой любви, горячо поддерживала ее матримониальные планы. И мамин жених – отличный дядька, оказавшийся по совместительству американцем, Асе был очень симпатичен. Он был чистым до скрипа, всегда и категорически трезвым, приятно пахнущим, прекрасно одетым и радостно улыбающимся. В асину жизнь он не вникал, отчасти, возможно, из-за наличия языкового барьера, и, тем самым, никаких отрицательных эмоций вызвать не мог. До поры до времени.

Пора настала, когда Ася внезапно выяснила, что после свадьбы мать собирается ни много ни мало, как уехать в Америку, штат Висконсин, по месту жительства нового мужа. Вместе с ней, Асей, соответственно.

Это было решительно невозможно. Это противоречило всем ее планам и представлениям о дальнейшей жизни. До сих пор она рисовалась Асе простой, радостной и ясной – последний звонок, Университет, факультет ВМК, счастливая студенческая жизнь, озаренная девичьей любовью, веселая

мама с ее новым мужем... При чем тут какая-то дурацкая Америка? И даже, в конце концов, если маме для счастья так уж необходимо туда уехать, то при чем тут она, Ася? Не помогали ни слезы, ни уговоры, ни радужные описания прекрасных американских вузов и не менее прекрасных американских парней – Ася стояла на своем.

После долгих разборок, раздумий, выяснений всех отношений и переговоров всех сторон решение было принято. Ася оставалась жить с отцом.

Отец у Аси был не хуже других, а во многом даже и лучше. Он был доктор экономических наук, профессор, преподавал в том же Университете, жил в большущей квартире в центре города, имел другую жену и дочь от второго брака. После давнего развода с асиной матерью отношения, тем не менее, поддерживал ровные, виделся с Асей достаточно регулярно, словом, был вполне идеален. От асиного решения он в восторг не пришел, но возражений тоже не выдвигал. Договорился с женой, выделил Асе в квартире комнату и помог перевезти вещи. Асину же квартиру коллегиально решено было сдавать, чтобы будущая студентка могла иметь независимый доход и не сидеть на отцовской шее.

Жизнь с отцовской семьей получилась у Аси достаточно ровной, но очень прохладной. Как с соседями. Пришла – ушла. Захотела – поела, хоть вместе, хоть сама, никто не приставал и не спрашивал. Отец почти всегда был на работе, а мачеха, хоть и сидела дома, старалась Асю особенно не за-

мечать. Ее, естественным образом, гораздо больше занимала родная дочь. Эта самая дочь, сводная асина сестрица, младше Аси на семь лет, бывшая для отца и для мачехи поздним ребенком, была, на асин взгляд, не в меру глупа и выше меры избалована. Никто, впрочем, асиным мнением на сей предмет не интересовался, поэтому вслух она его не высказывала. Но отношения своего, впрочем, никак специально не скрывала. Поэтому контакты с сестрицей (а она поначалу очень активно пыталась интересоваться асиной жизнью) со временем сошли практически на нет, ограничиваясь взаимным скорчиванием страшных рож при случайной встрече в коридоре.

Итак, мама уехала в свою Америку, квартиру сдали. Учеба на ВМК, которая занимала такое важное место в асиных девических мечтах, на поверку оказалась достаточно трудной и нудной, первая любовь через полгода незаметно закончилась и рассосалась, даже вспоминать было как-то не о чем – осталась только жизнь в чужой квартире с посторонними мачехой и сестрицей. Ася даже стала задумываться, не свалила ли она дурака, отказавшись уехать с матерью, не ждало ли ее там настоящее заоблачное чудо... Но потом, съездив на летние каникулы в гости навестить мать, поняла, что все-таки нет – заштатный городок в Америке, штат Висконсин, оказался дыра дырой, дом тамошний хоть и большой, с двумя ванными, но картонный, всех развлечений – магазин, кино-театр на соседней улице, да пара китайских ресторанчиков.

С учебой тоже было бы несладко – ближайший университет находился в пяти часах езды на машине, да и тот был вполне себе. К тому же совершенно непонятно, смогла ли бы она вообще туда поступить со своими русскими отметками и весьма сомнительным знанием английского языка. Не говоря уж о плате за обучение – она показалась Асе непомерно большой, и мамин новый муж это мнение вполне разделял. Да, и прекрасные американские ковбои тоже толпами по улицам не ходили – во всяком случае, в штате Висконсин. Так что, вернувшись осенью в Москву, Ася вздохнула даже вполне с облегчением, распрощалась с очередной порцией иллюзий и принялась за учебу.

Год, еще год, еще немного – и с учебой было закончено. Новоиспеченный программист с университетским дипломом, Ася устроилась работать в редакцию крупной столичной газеты – не без помощи отца, конечно, но это совершенно неважно. В сущности, настоящему программисту – а Ася считала себя программистом именно настоящим – на самом деле неважно, где работать, был бы компьютер понавороченней, да задачи поинтереснее. В газете и с тем и с другим было средненько, зато кругом вертелась очень сложная, насыщенная жизнь, то и дело мелькали разные интересные личности, да и среди сотрудников вполне было, на кого посмотреть. И хотя Ася не призналась бы в этом никому на свете, ей это очень нравилось.

Особенно же ей нравился один журналист из отдела поли-

тики. Впрочем, не ей одной. Сергей Таковецкий, маститый политоботзреватель, ведущий постоянной колонки, красавец, мачо, плейбой и донжуан отвечал за повышенное сердцебиение всей женской половины газетного штата, начиная с семнадцатилетней курьерши Людочки и заканчивая семидесятилетней вахтершей тетей Марусей. В промежутке между ними двумя находилось примерно тридцать дам различных возрастно-весовых категорий, и некоторые из них могли заслуженно похвастать вполне выдающимися женскими достоинствами, такими, как красота, социальное положение и высокий интеллектуальный коэффициент.

Ася на фоне всех этих выдающихся во все стороны разнообразных достоинств всегда – и небезосновательно – чувствовала себя серой мышью. Поэтому ни о каких знаках внимания со стороны прекрасного Таковецкого даже и не мечтала. Сидела себе спокойно в закутке за компьютером и не проявляла никакой излишней активности. Разве что... Ну, верстку статьи готовую отнести показать – так это ее прямая служебная обязанность. Или почти прямая... Ну, постараться запомнить, когда кумир ходит выпить кофе в кафетерий и сходить туда в это же время... Она тоже человек, а кофе – хлеб для программиста... Ну, начала курить и стала навещать в курилку... Она взрослая девушка, в конце концов, не приставайте к ней с глупостями. Таковецкий... Ерунда какая. Она не маленький ребенок, и прекрасно понимает, что тут для нее никаких шансов нет, да и не надо ей этих

шансов. Тоже мне радость – даже если удастся как-нибудь, изловчившись, этот самый невероятный шанс внезапно сорвать – и что дальше? Ну, переспит он с ней, как со всеми прочими, может быть, даже не один, а пару раз, если повезет, и потом благополучно забудет – радости-то от этого... Ей так не надо, ей надо – чтоб родство душ, чтоб вместе и надолго, если не навсегда, а уж на это у нее никаких шансов с гарантией нет, даже и надеяться незачем.

А надеяться все равно очень хотелось. Да еще тут некстати настала весна, ранняя, глупая, с просветами голубого неба, хлюпаньем под ногами и запахом талого снега с оттенком грядущих приключений... В поисках которых в курилку отчего-то хотелось заходить все чаще.

Но приключение все равно застало Асю врасплох, причем совсем с другой стороны. В ее, вернее, отцовском доме этажом выше жил сосед-старичок. Ася заметила его почти сразу по переезде – худенький, седой, сгорбленный – кажется, в чем душа держится. Она вскоре с ним и познакомилась – случайно, пока лифт вместе ждали. Старичок улыбнулся ей, сказал что-то вроде, что вот-де, новенькая у нас в подъезде, симпатичная такая – и Ася, которой так не хватало в то время человеческого тепла, не могла не быть ему благодарна. Теплое слово, в конце концов, и кошке приятно. К тому же старичок был вознагражден за свою теплоту сторицей – Ася с тех пор на правах соседки доставала ему газету из ящика, возвращаясь домой из университета, помогала донести при

случае тяжелую сумку или просто бегала в магазин за кефиром и прочими мелочами. Дружбой это нельзя было назвать, но так – добрососедские отношения. Обоих это, по всей видимости, устраивало даже больше, чем казалось на первый взгляд. Во всяком случае, в асиной девичьей жизни было не так уж много добрых отношений, а про старичка ничего известно не было.

И вот, возвращаясь как-то с работы, переполненная расплывчатыми мыслями о мимолетной встрече с Таковецким в курилке, Ася автоматически, как всегда, проходя мимо, выдернула из старичкового ящика свернутую в трубку газету и поднялась к его двери, чтобы отдать. Позвонила. Старичок открыл, поздоровался, поблагодарил как обычно, но, вместо того, чтобы тут же попрощавшись, дверь и закрыть, вдруг отступил назад и тихо сказал Асе:

– Зайди-ка на минутку.

Ася слегка опешила. Такого в заводе не было. Она даже встряхнулась и отвлеклась от своих расплывчатых, но таких заманчивых мыслей, но, секунду поколебавшись, все же последовала приглашению. Почему бы и нет, в конце концов? Старичка она знает не первый год, да и потом... Что она теряет? Альтернатива у нее все равно лишь одна – спуститься на этаж в свою квартиру и варить там себе кофе в лучшем случае в одиночестве, а в худшем – в компании мачехи с сестрицей. Лучше уж старичок... Может, он тоже кофе заварит... Мачеха категорически не одобряла асину способ-

ность пить кофе в любое время суток в любых количествах, и хоть и не говорила ничего, но так смотрела, что половина кайфа терялась тут же на месте.

Итак, она вошла в квартиру и замерла у порога в нерешительности. Старичок же, сделав ей знак рукой в сторону вешалки, мол, раздевайся, зашаркал куда-то вглубь и исчез за поворотом коридора. Ася повесила куртку и двинулась за ним.

Квартиры в этом доме были генеральские, огромные, с высоченными потолками и множеством комнат, раскиданных в произвольном порядке вдоль длинных извилистых коридоров. Когда Ася нашла, наконец, своего старичка, он обнаружился не иначе, как в кабинете – просторной комнате, все стены которой были уставлены высокими, в потолок, шкафами с книгами, а посередине громоздился – именно так, иначе и не сказать, здоровенный письменный стол. Не стол даже, а целый катафалк – со множеством ящичков, резными ножками и колонками, да еще сверху весь заваленный книгами и прочей заумной рухлядью, так, что хозяин, усевшийся за ним в кресло, и виден-то был с трудом.

– Садись, – снова махнул старичок Асе из своей ниши. Ася повертела головой, обнаружила у одной стены затерявшийся среди шкафов зеленоватый кожаный диванчик и послушно села.

– Села? Тогда слушай, – проскрипел старичок из-за стола. Ася кивнула. Дело явно пахло не кофе, скорее керосином,

да что уж теперь... Интересно, надолго все это? И вообще – зачем?

– Я скоро умру, – еще тише, чем раньше, проскрипел старичок. Ася испугалась. Господи, он что, хочет оставить ей какое-нибудь старье в наследство? Вот не хватало. Она начала было сбивчиво нести что-то такое общеуспокоительное, но старичок только резко отмахнулся, и она смолкла на полуслове.

– Слушай, – сердито цыкнул дедок. – Не надо мне твоих... Этих... Я дело говорю.

Ася только кивала со своего диванчика.

– У меня нет никого. Нехорошо, конечно, но так уж вышло. А чтоб совсем все пропало – не хочу. Решил – оставлю тебе. Я на тебя глядел, девочка ты неплохая, и голова есть. Жаль, конечно, не мальчик ты, да что поделаты-то...

Ну точно, сейчас про завещание скажет – решила Ася. Она попыталась снова открыть рот, но старичок, очевидно, уловив ее намерение, так зыркнул из-под нависших на глаза седых бровей – будто молния по комнате сверкнула – и Ася осеклась, не начавши.

– Я хочу оставить тебе Дар, – со значением произнес старичок. И замолчал, будто ожидая асиной благодарной реакции. Не дождавшись, он вздохнул и продолжил.

– Я волшебник. Старый, опытный волшебник. Мне, похорошему-то, ученик был бы нужен, знания передать, да, видишь ты, не пришлось. Теперь пропадут они, знания-то...

Их так в одночасье не отдашь, тут надо годами учить... Да... Жалко. Но это – это Дар. Его я могу просто так передать, вот тебе и передам.

Ошарашенная Ася молчала. Просто, что называется, потеряла дар речи от всех этих неожиданных даров. Ясно, старичок спятил. Уйти бы теперь потихоньку, врача, что ли, вызвать, да только как... Обидится ведь. Еще тяжелым кинет, с него станется, с психа-то... А с другой стороны – он пока мирный. Может, если его не раздражать...

– Зря боишься, – перебил ее мысли старичок. – Я не спятил и не рехнулся. Я, может, за сколько лет только-только за ум взялся... Эх, да поздновато пришлось... Мне б тебя еще когда позвать, глядишь, чему бы и научилась...

– А почему – поздно? – Неожиданно для самой себя спросила вдруг Ася. – Может, попробуем?

Говоря все это, она сама не понимала – то ли безумие оказалось заразным, то ли ей хочется просто успокоить соседа...

– Да сказал же – время мое истекло, – досадливо вздохнул старичок. – Ухожу я. Умираю, по-вашему. Ты вот что, не болтай-ка давай, а слушай меня. Он хоть и Дар, а тоже дело не простое.

Он вышел из своего укрытия за столом и встал перед Асей, словно лектор на кафедре.

– То, чему я хочу тебя научить – Дар – это способность проникать в чужие мысли. Очень важная, нужная вещь. Ценнейшая вещь. С нею, если умеючи взяться, можно многое

что натворить...

– Как это – чужие мысли? – не поняла Ася. – И зачем они мне?

– Зачем? – всплеснул руками старичок. – Эх, ты...

Ася вдруг ощутила, как с нею что-то произошло.казалось, словно кто-то вошел в ее мозг – не в голову, где расположен тот, что с извилинами, а будто бы в душу, в самую ее суть. Но и в голову одновременно тоже. Потом по душе будто бы провели мягкой рукой, собрали в клубочек, ласково так погладили. Ощущения были довольно приятными, но очень странными, непохожими ни на что – и как вести себя, было совершенно неясно. Вдруг оттуда, из ее собственной головы – или души, понять и различить это было уже невозможно – ей зазвучали слова, явным образом ее собственные, хотя она могла бы поручиться, что никакого отношения к ним не имеет.

– Завладевая образом мысли, ты можешь любому человеку оставить мысли свои. Это – ценнейший из всех Даров. Но полезен он лишь при условии, что они – свои мысли – у тебя есть. Если сумеешь понять это – будешь счастливой. И помни – Дар нельзя использовать во зло. Ты добрая, умная девочка, ты разберешься...

Поток мыслей тек, завораживал. Вдруг – Ася почувствовала, что ее как будто встряхнули – мягкие руки отпустили ее мозг. Внутри сразу стало как-то пустовато и слегка неудобно.

Старичок, вновь возникший прямо перед ней – а может, он и не исчезал никуда – ласково улыбался.

– Ну, теперь поняла?

– К-кажется. Д-да, наверное. – Спорить с ним казалось невозможным, особенно сейчас. В голове еще отдавались, звучали мягкие движения рук. – А как вы это делаете?

– А это и есть – Дар. Я передам его тебе, и ты тоже так сможешь. Конечно, нужна какая-то тренировка, но ничего сложного нет, я объясню, у тебя все получится. Надо только сначала человека правильно выбрать, присмотреться к нему, понять, какой у него мыслепобраз...

– А это что?

– Ну, как он думает, каким образом мыслит.

– А как же это понять?

– Присмотреться внимательней, какой человек, что он видит, чего он хочет. Образ мышления его уловить. Да ты научишься – будет легко. С ходу будешь такие вещи видеть. Сначала так кажется – сложно, а там привыкнешь... А потом, как мыслепобраз-то разглядишь, надо вот этак расслабиться, – старичок раскинул во всю ширь руки, и они взметнулись возле него легкими крыльями, – мысли свои отпустить, и слиться ими с его-то мыслями... Поняла? Сперва – копируешь тело, потом – мысли. Так и проникаешь к нему во внутрь.

Старичок явно сопровождал слова действиями, хотя уловить их невооруженным взглядом Асе как-то не удалось.

Просто она вдруг снова ощутила мягкое вторжение в собственную душу. Мгновение – и снова перед нею был старичок.

– А после, внутри, – продолжил он свою лекцию, – вот так, вот так...

Его руки словно бы собирали из воздуха мягкий шар.

– Мысли-то тамошние сдвигаешь, собираешь их все, только ласково, и в сторонку, в сторонку, а на их место – свои. Вот и готово дело.

– Но у меня не выйдет, – с ужасом прошептала Ася.

– Потренируешься – выйдет. Для начинающих свои приемы есть. Трепет воды, например, хорошо мысли отражает. Весенней воды особенно. Вверх если двигаться – тоже. А вот с детишками поначалу не пробуй, детишки – они такие, у них мысли беглые, за ними не угонишься, это только с опытом можно, да и то не всегда.

– И еще, – старичок посерьезнел и поднял наставительно палец вверх. – Имей в виду. Когда ты в мыслях – тебя здесь, – он обвел вокруг себя рукой, – нет. Ты транс-, – он запнулся, борясь с мудреным словом. – Видимость твоя отсюда исчезает. Поэтому – входить и выходить в мыслеобраз можно только наедине с тем, в кого ты хочешь проникнуть. Он этого не заметит, ясное дело, а вот если рядом кто попадется – те могут. Нельзя этого. Следи, смотри – аккуратно. Впрочем, – он оценивающе поглядел на Асю, – и не выйдет у тебя, на чужих-то глазах. Но все равно смотри.

– И что же, – Ася, несмотря ни на что, не могла воспринять происходящее до конца. – Это любого так можно?

– Умеючи – да, любого. Дело, конечно, житейское, с одними – легче, с другими – возиться надо. Но в принципе, да, любого. С детишками только осторожней. Опять же, если что – заходи, спрашивай. Но не тяни сильно, я долго-то не дождусь.

Тут он протянул руку и коснулся двумя пальцами асиного лба. Она почувствовала будто бы легкий ожог, перед глазами мелькнула вспышка света, в ушах прогремел отдаленный гром. В воздухе явно запахло озоном. Как оказалась на лестничной площадке, она не помнила.

Ася медленно, придерживаясь рукой за стену, направилась по лестнице вниз. Кружилась голова, и в ушах гудело, как после ночной работы за компьютером. Что такое случилось с ней, может, это все сон...

А может, вовсе даже и нет. Может, как раз...

Пару дней Ася ходила, как в тумане, так и сяк осмысливая новые возможности и примеряя их к своей жизни. Варианты получались – зашибись. При условии, конечно, что она не сошла с ума, не ударилась головой и не увидела чудный сон. Скорее всего, конечно, было-то именно так, но если на секундочку поверить... Или проверить...

На третий день – он пришелся на субботу – Ася решила сходить к старичку еще раз. Удостовериться. Если не прогонит ее, как ненормальную, значит, все правда. И тогда...

Ася взлетела по ступенькам, нажала звонок на старичковой двери. Тот как-то печально тренькнул и быстро замолк. Никто не отзывался. Ася подождала минутку, опять нажала...

– Дедушку ищешь? – раздался вдруг голос за ее спиной.

– Да. – Ася повернулась. Из соседней двери на нее смотрела женщина средних лет.

– Нету дедушки.

– А где же он? Я совсем недавно заходила...

– Увезли дедушку.

– Да кто? Он одинокий был, он мне сам говорил.

– А не знаю. Только вчера, уж к ночи, слышу – на лестнице шум. Я выглянула – а там дедушка уходит. В пальто, с чемоданом. И двое с ним каких-то было. Я подумала – может, в больницу, или еще что... Не знаю. Только нету дедушки, увезли.

– Спасибо...

Ася повернулась и медленно пошла вниз по ступенькам. Ну вот. Не успела. Не узнала. И что же теперь? А ведь старичок предупреждал, чтоб она не тянула, чтоб поспешила... А она, балда, все сомневалась. Вот и досомневалась...

Домой возвращаться не хотелось. Надо погулять пойти, что ли. Дойдя до своей квартиры Ася тихо, стараясь не шуметь, приоткрыла дверь, вошла, тут же в прихожей сунула ноги в сапоги, сдернула с вешалки куртку и снова вышла, стараясь не щелкнуть замком.

Что теперь делать? Забыть весь разговор с дедушкой, как будто его и не было, и жить дальше? В конце концов, ничего не мешает ей сделать именно так. И ничего в ее жизни не изменится, все так и будет двигаться дальше по накатанной колее... Да, но это-то и обидно. За прошедшие два дня она не то чтобы поверила в чудесный дар, но все же успела приложить его к себе в достаточной мере, так что перспектива утраты ничуть не радовала. А если все было взаправду, а она из трусости и по глупости возьмет и откажется, утратит, потеряет чудесный дар... И дедушку подведет. Он так хотел, чтобы дар сохранился, не ушел вместе с ним... Как там было? Расслабиться, увидеть чужие мысли... Нет, сперва постараться увидеть, потом расслабиться, потом сделать так как-то руками...

За всеми этими размышлениями Ася не заметила, как вернулась к своему дому. Сколько она прогуляла – неизвестно, часов с ней не было. Наверное, все же долго, потому что выходила она с утра, а сейчас день чуть-чуть, но начинал клониться к вечеру. Еще не сумерки, но легкая сиреневатая дымка уже повисла в воздухе.

Перед Асей метрах в десяти по дорожке к подъезду шла девушка. Ася вдруг поняла, что это ее сестрица. Невольно замедлив шаг – не хватало еще в лифте с ней вместе ехать, Ася пристально смотрела сестрице в спину. До чего походка смешная – подпрыгивает, руками машет... Интересно, зачем это она? Думает что ли, что красиво? Впрочем, может, это

она просто через лужу прыгает – под ногами действительно разливалось море разлитое. В весенней воде отражалось чуть темнеющее весеннее небо, крыши домов, легкие перья облачков, еле заметная рябь...

Ася тоже прыгнула через лужу, взмахнула руками... Вдруг ее охватила какая-то легкость, голова закружилась, вся она будто-бы понеслась куда-то с захватывающей и слегка пугающей скоростью, догоняя сестрицу, сливаясь с ней... В ушах свистел ветер, перед глазами стоял легкий трепет воды...

Вокруг нее стояла мягкая полутьма. Рядом и вокруг шевелилось нечто, похожее на мягкие полупрозрачные нити. «Мысли», – почему-то догадалась Ася, и тут же, как учили, мягкими ласковыми движениями рук стала собирать их в комок. Сестрицыны мысли нисколько не противились. Ася собрала большой шар, ласково погладила его напоследок, отложила в сторонку.

– Так, – вспоминала дальше Ася. – На их место надо положить свои. Интересно, как можно положить мысли – вообще хоть куда-нибудь? Наверное, их просто надо думать. Какие мысли можно думать для сестрицы?

Тем временем сестра – и Ася с ней вместе – зашла в подъезд, поднялась в квартиру. Открыла дверь, разделась.

– Мама, – Асе было так странно слышать сестрин голос изнутри, как свой. – Ты дома?

– Дома, дочка, – ответила из кухни мачеха. – Раздевайся,

сейчас будем кушать.

– А Ася?

– Я понятия не имею, где она. – В голосе мачехи звучало легкое раздражение. – Ушла с утра, ни ответа, ни привета. Мы ее не ждем.

– Мам, – сестра (или Ася?) прошла в кухню, села за стол, поглядела мачехе в глаза. – Я давно хочу тебе сказать. Мы, наверное, неправильно себя ведем с ней.

– Почему? – Мачеха тоже села за стол, напротив.

– Ну мам, ну ты подумай – она тут одна совсем.

– Лена, – Ася чуть заметно вздрогнула. – Она взрослая девушка. И потом – почему одна? Она с папой, он ей родной отец, и мы тоже...

– Папы и дома-то никогда нету, а мы... Ты сердишься, я ее дразню. А это нечестно. Ну и что – взрослая, а все равно. Вот я была бы без тебя, а, мам? И потом – когда она стала у нас жить, ей сколько лет было? Семнадцать? Подумаешь, чуть больше, чем мне сейчас...

Ася – или Лена? – даже не заметила, когда мачеха успела подойти, обнять сзади, погладить по голове.

– И потом, мам, – продолжала она говорить куда-то в складки халата, – она мне очень нравится, Ася. Такая серьезная, взрослая. Работает. Я бы тоже хотела быть такой, когда вырасту... Давай будем с ней дружить, да?

– Конечно, девочка, ты права. По крайней мере, мы стараемся.

– Правда? Спасибо, мам. И давай – подождем ее с обедом?

Мачеха кивнула, соглашаясь. Лена – или Ася – вскочила со стула, выбежала из кухни. В темной прихожей Ася, сама не зная почему, вдруг сделала в своем укрытии резкое движение, будто бы падая назад – и оказалась тут же, в прихожей, среди сапог и пальто.

– Аська! – зазвенел ей навстречу радостный сестрицын голос. – Ты чего свет не включаешь? А мы тебя ждем, обедать не садимся. Пойдем скорее, раздевайся же...

Так Ася начала свои эксперименты. Старалась, чтобы в поле действия была вода, сначала весенняя лужа, потом – хоть струя из крана. В ванной проникать в мыслеобраз было особенно удобно – и вода присутствует, и интимность соблюдается. К сожалению, объектов для эксперимента немного – ну кого позовешь в ванную? Мачеха, отец, сестрица – вот вам и все. Зато отношения в семье наладились накрепко.

Потом она вдруг открыла, что действие хорошо получается в лифте, идущем вверх. Воспаряющее движение как-то так удачно отзывалось во всем теле, надо было только поддаться ему, чуть-чуть потянуться – даже лучше, чем с водой. И потом – это заметно расширило сферу деятельности. Лифты встречаются везде и там легко можно оказаться вдвоем с кем угодно.

А потом она поняла, что ей уже не нужны никакие вспомогательные средства. Просто – приглядеться к человеку, подметить в его глазах некую специальную особенность,

встать рядом, принять такую же позу, повторить движение, сделать легкое усилие – и раз! все получалось, как по маслу.

Естественно, мастерство пришло к ней не сразу. Так, чтоб моментально и безо всякого лифта, стало получаться у Аси только к концу лета. Конечно, бывали и промахи. Однажды, например, во время летнего дождя она неизвестно зачем влезла в мысли случайного прохожего – и совершенно не знала, что с ними делать. Ну что ему такое внушить? Она туда и влезла-то лишь потому, что забыла зонтик. Ну, и попрактиковаться, конечно. А потом вокруг образовалась толпа народу, и выйти обратно не было никакой возможности. Ася даже слегка испугалась, и прошло не так мало времени, пока она догадалась заставить объект зайти в ближайший подъезд... И еще какие-то неувязки случались, но разве это было важным... В целом-то все получалось так, как надо!

В общем, как-то однажды по осени Ася, оказавшись в курилке наедине со своим кумиром, плейбоем и асом отечественной журналистики Сергеем Таковецким, решила – чем черт не шутит! Подошла поближе, взглянула в глаза, подстроилась – ...

Мысли Таковецкого, по сравнению со всеми остальными, показались ей необычными даже наощупь. Они как будто были плотнее, гораздо менее охотно собирались в шар и слегка покалывали пальцы. Впрочем, может быть, это оттого, что Ася просто нервничала. Погладив шар таковецких мыслей особенно ласково, Ася отложила его и распустила

ковер мыслей собственных...

– Она забавная девочка, эта Ася-компьютерщица, – думал Таковецкий, задумчиво гася окурок в банке из-под чешского пива, служившей пепельницей. – Что-то в ней есть такое... Надо бы приглядеться повнимательнее. Но, пожалуй, слишком серьезна. В том смысле, что легкой интрижкой тут не отделаться... Ну и что за беда? Это тоже может быть интересным... В конце концов, не все же ерундой заниматься, можно когда-то и о будущем задуматься. Нет, определенно, при случае пригляжусь к ней повнимательнее, есть, есть в ней нечто...

Надо ли говорить, что случай не замедлил представиться... Ася давно заметила, что после вторжения в мыслеобраз объект – любой объект – продолжал некоторое время жить, используя внушенные асины мысли, но если следующего вторжения не происходило, влияние потихоньку угасало и сходило на нет. Поэтому для создания устойчивого эффекта вторжение нужно было производить хотя бы раз в два дня. Она удвоила старания заставить Сергея наедине в курилке или попасть с ним в лифт – и уже через неделю ее настойчивость была вознаграждена. Теперь Таковецкий приходил к ней сам – звал выпить кофе, покурить или пройтись подышать свежим воздухом. В редакции его новый интерес, естественно, незамеченным не остался, хотя большого любопытства тоже не вызвал – эка невидаль, в самом деле. Подумаешь, Таковецкий программисточку клеит.

Как-то они стояли с Таковецким в курилке – вернее, Таковецкий стоял, Ася-то как раз проводила очередное вторжение, и поэтому ее зримый образ в собственно курилке отсутствовал, – и в кармане журналиста зазвонил мобильник. Тот ответил на вызов, и Ася услышала в трубке противный голос Ниночки, секретарши главного редактора:

– Сереженька, ты там все бегаешь где-то, а тебя Игорь Петрович обыскался. Давай, ноги в руки – и к главному!

– Есть! – по военному гаркнул Таковецкий и – Ася не успела шевельнуться – выскочил на лестницу и слился с толпой народа, вечно снующей по ступенькам вверх и вниз.

Ася оказалась арестованной. Ее это не напугало – не привыкать, скорее, заинтересовало. Шутка ли – попасть к начальству, да еще и послушать, как оно общается со своим ведущим пером. Слегка напрягало, что ее могли за это время хватиться на рабочем месте, но – подумаешь, совру, что живот заболел, побежала в аптеку, – сказала она себе и успокоилась.

Таковецкий бодрым маршем вошел в редакторский кабинет, чмокнул противную секретаршу по-приятельски в щечку. «Только ли по-приятельски?» – мелькнуло у Аси в голове, и шар таковецких мыслей мягко шевельнулся у нее за спиной. – «Плевать мне,» – тут же оборвала Ася сама себя, чтобы не отвлекаться, погладила шар на всякий случай еще раз и сосредоточилась на происходящем.

– Садись, Серега, – указал на кресло главный редактор,

гладкий сидящий джентльмен в безупречном костюме от Хьюго Босс. – Дело у меня к тебе есть.

– Я – всегда пожалуйста, – ухмыльнулся Таковецкий в ответ.

Дело состояло в том, что газете, которой до зарезу не хватало собственного корреспондента в Европе, удалось наконец отыскать где-то фонды на это дело. Где именно – редактор предпочел умолчать. Так и сказал: «Предпочитаю умолчать», – и Таковецкий понимающе кивнул. Но суть была не в загадочном происхождении вновьобретенных фондов, а в предложении редактора Таковецкому стать этим самым европейским корреспондентом. Со всеми вытекающими фондовыми последствиями.

– Надолго ли, Серега, не скажу, – пожимал плечами редактор. – Но на полгода – точно. Столько нам средства и сейчас позволяют, а уж что дальше будет – поглядим, поглядим...

– Спасибо, конечно, за ценное предложение, – был ответ Таковецкого. – Но я бы, пожалуй, остался бы пока тут. Если, конечно, начальство не возражает, – и хитро подмигнул.

Редактор даже опешил.

– Серег, да ты что? Нет, я, конечно, собкором в Брюссель всегда найду, кого послать, но я-то думал... Ты ж у нас, блин, звезда! Тебе и карты в руки. Тем более, я помню, у нас и разговор такой был...

– Все верно, я и не спорю. В другое бы время я – с дорогой душой, но сейчас...

– А что у нас сейчас...

– Выборы будут, – ответ был, прямо скажем, не очень-то, но Асе впопыхах ничего лучшего просто в голову не пришло.

– Выборы! Ты сказал! до них еще целый год, ты и вернуться успеешь двадцать раз...

– Не скажите, Игорь Петрович. Год годом, а сани готовы с лета. Сейчас самая страда, если всмотреться по-честному. Так что – рад бы в Брюссель, да не могу! Родина в опасности. – и Таковецкий снова подмигнул.

– Ну, как скажешь. Не ожидал я, что ты такой патриот. – главный не скрывал удивления. – Ассистанс какой бует нужен, на отечественной-то ниве?

– Ну, если только аккредитацию в Думу подновить, а так, думаю – справлюсь. Разрешите идти? – Таковецкий поднялся и дурашливо отдал редактору честь.

– Ступай, – и Игорь Петрович, продолжая недоумевать, откинулся в кресле...

Ася и сама бы недоумевала, услышь она такое в качестве сплетни... Чтoб Таковецкий, да отказался за кордон поехать, да на полгода... Но не отпускать же его было вот так, когда дела столь явно пошли на лад, так далеко, так надолго... И потом еще неизвестно, вернулся ли бы он оттуда вообще. Но она все равно чувствовала себя виноватой, загубив журналисту такую блестящую перспективу. Надо было как-то исправлять положение, и она решила во что бы то ни стало найти какой-нибудь способ загладить вину.

Чем можно компенсировать такое? – думала она, сидя вечером у себя в комнате перед компьютером. Сделать его звездой журналистики? Он и так... Заработать кучу денег? И на это он вроде не жалуется. Создать репутацию... Смешно. Хотя... Смотря какую... Ведь, если репутация достаточно впечатляющая, из журналистов рукой подать куда и выше... Что ж, может быть, это идея. И Ася нырнула в Интернет – где еще прикажете программисту искать нужную информацию, не за газетой же в киоск бежать?

На следующей неделе Ася провернула на работе сложную многоходовую операцию. Сначала под каким-то дурацким предлогом, вроде потерянной верстки, навестила в неурочное время секретаршу главреда Ниночку. В результате этого визита ей была назначена встреча с главным редактором – событие, если вдуматься, из разряда почти невозможных. Главный редактор себя уважал и абы с кем просто так не встречался. Но с Асей – встретился.

Встреча прошла, что называется, тет-а-тет, за закрытыми дверями. Ее немедленным результатом стало для Аси повышение в должности – с младшего программиста до старшего, соответствующая прибавка к зарплате, а главное – получение новых служебных обязанностей. Ася теперь поступала в единоличное распоряжение политобозревателя Таковецкого – для необходимой компьютерной поддержки. И им для этих целей выделялся отдельный кабинет – оснащенный по по-

следнему слову информационных технологий, никак иначе. Подобных прецедентов редакционный мир еще не знал. По всей газете тут же прокатилась волна слухов – Таковецкий-де задумал новый проект, не меньше, чем свержение действующего кабинета министров, он-де и за границу потому не уехал, а что он бабу свою заодно продвигает – в этом-то как раз ничего удивительного нет, не впервые, видали и не такое. Редакционные женщины, впрочем, были недовольны.

Но Асю это мало волновало. Она и раньше-то с дамами на работе не много общалась, а теперь ей и вовсе было не до того. Отдельный кабинет был просто спасением – в новом режиме работы с мыслеобразом Таковецкого надо было контактировать постоянно – и обстановка политическая слишком часто менялась, и свои мысли то и дело ценные возникали... Курилкой раз в день тут точно было бы не обойтись...

Результат, надо заметить, стоил всех интриг. Уже через две недели не только редакционные дамы, но даже и конкурирующие издания отметили, что стиль политобозревателя весьма заметно изменился к лучшему. Статьи его стали не то, чтобы резче – этого добиться было бы трудно – но как-то глубже. Расследования проводились тщательнее, а прогнозы сбывались с большей точностью. В общем, из-под шкуры активной газетной моськи все больше проглядывали черты реального политического слона.

Успех надо было развивать, и Ася взяла себе за практику не только «прочищать сережины мозги», как она это теперь

называла, непосредственно перед выходом «на дело», но и самой ходить вместе с ним. Или вместо него, или не ходить, а ездить – она давно перестала мучиться с определениями своих действий. Важно было, чтобы в решающий момент она находилась там, где надо – и с готовыми мыслями. Слегка раздражало одно – что с собой в мыслеобраз нельзя захватить подключенный к интернету лэптоп. Иногда это было бы настолько кстати, особенно когда по ходу дела требовалась какая-нибудь статистика, но дареному коню в зубы не смотрят – и Ася заучивала наизусть те статистические данные, которые, по ее мнению, могли пригодиться в текущем интервью.

Тогда же она сделала еще одно открытие. Оказалось, что уже будучи там, внутри, в сережиной голове, она с легкостью могла переместиться в мыслеобраз его собеседника. Причем для этого даже не требовалось уединения – переход из одних мыслей в другие происходил совершенно незаметно для посторонних глаз. Впервые она обнаружила этот эффект во время интервью с министром... В общем, с очень важным министром, силовым министром – не надо излишних подробностей. Как всегда, сережины вопросы были блестящи и остры, и картина формировалась абсолютно однозначная, но министр по причине, так скажем, невысокой культуры языка блял было нечто невнятное и портил впечатление от собеседника. Ася слушала, слушала, давя изо всех сил в себе раздражение, потом вдруг не выдержала, резко дерну-

лась – и вдруг вместо уже привычного шара сережиных мыслей обнаружила вокруг себя плавающие незнакомые обрывки. И только автоматически собирая их в аккуратный клубок осознала, чьи именно это мысли это были.

Это интервью получилось совершенно блестящим. О нем долго говорилось и в публике, и в кулуарах, а Таковецкого пригласили выступить в прямом эфире одной политической передачи. Он выступил с присущим блеском – и получил предложение попробовать себя в качестве ведущего...

Подумав, он ответил согласием, хотя Асе было тяжелова-то разговаривать сразу за нескольких человек, да еще перед камерой. Хотя на что не пойдешь ради чувства...

С чувствами тоже все было очень хорошо. Постоянная совместная работа, она, знаете, как-то настолько сближает... Тут вам и родство душ, и общность мышления... В общем, когда Таковецкий под Новый год предложил Асе переехать жить к нему, она согласилась, не раздумывая. Да и что тут было раздумывать – это предложение абсолютно совпадало с ее собственными соображениями на этот счет. Она даже отца с мачехой предупредила заранее, что скоро, мол, съедет. Так что когда это наконец состоялось, те не удивлялись и уж конечно не возражали.

В конце января Ася уволилась из газеты. Совместного домашнего общения ей хватало выше головы, да и, кроме того, она все равно ничего не теряла. Разве что перешептывания редакционных дам – так этого как раз ничуть не жалко.

А зарплата... В конце концов, то, что она делала сейчас для Сережи, было важнее и оплачивалось в конечном итоге гораздо выше.

Ася была очень довольна своей жизнью. Она жила для любимого человека, да что там, жила просто им, была — им. Его успех был ее успехом, и наоборот. Наоборот, собственно, было даже точнее. Жалко только, что никому не объяснишь. Ася вообще-то излишним тщеславием не страдала, когда при случае на каких-нибудь цеховых сборищах — а на светские мероприятия они ходили вдвоем, это Ася могла себе позволить — там думать не надо, так вот, когда на подобных сборищах кто-нибудь начинал курить фимиам сережинным талантам, она воспринимала это как должное, радовалась и гордилась, причем искренне — за него. Свой вклад могла оценить только она сама, и этого было вполне достаточно для счастья. При условии, конечно, что Сережа тоже понимал ее и ценил, но тут по-другому ведь и быть не могло...

Как-то раз на тусовке по поводу, кажется, грядущего наступления восьмого марта (или дня Святого Валентина, подобных праздников в наше время развелось столько, что их уже никто не различает, главное, повод для радости есть) Ася отошла из общего зала в туалет. И там, находясь за тонкой дверью кабинки, вдруг слышала дамский разговор.

Беседовали две журналисточки из несерьезных изданий — светские сплетницы, желтые комментаторши. Но предметом их разговора был не кто иной, как Таковецкий, и Ася неволь-

но прислушалась.

– А ты не знаешь, он все еще с этой своей? – Спрашивала одна.

– Ну да. Уже полгода, как пришитый. – Отвечала другая.

– Только подумать. И что он в ней нашел, мышь белая...

– Не говори. И это Сережа, такой мужик классный... Не понимаю, не понимаю... У него всегда были такие девушки интересные. А эта... Ни рожи, ни кожи. Молчит вечно – дура дурой.

«Интересно, о ком это они?» – подумала Ася. И вдруг с ужасом поняла, что о ней.

– И одета всегда, как я не знаю что.

– Да это-то ладно... И с лица, знаешь, тоже, как говорят, не воду пить. Но хоть бы она на самом деле умной была, а то же ведь нет... Не работает, сидит у него на шее... Образования, хорошо если классов десять...

– Где он только ее подобрал...

– Да знаешь, говорят, чуть ли не из жалости. Там такая вроде была история романтическая, идем, я тебе по дороге расскажу...

И куколки удалились. Ася вышла из кабинки. У нее тряслись руки и дрожали колени. Она подошла к раковине, открыла холодную воду, плеснула себе в лицо. В зеркале напротив отразились ее глаза – несчастные, в самом деле какие-то неяркие, в белесых ресницах.

– Мышь белая, – с отвращением сказала Ася сама себе и

заплакала.

Она ехала домой на такси, одна. В голове судорожно вертелись, путаясь, обрывки давешнего подслушанного разговора и свои собственные некультияпые мысли. Конечно, все это глупости. Она – это Сережа, и все, что есть сейчас – это тоже она. Да, но об этом никто не знает. А что все знают? А вот это самое – что она никто, живет у него на шее из жалости. Ни профессии, ни работы, даже одеться толком не может. Но она-то знает, что она – все! А что толку. Но ведь и он это знает. Стоп. А что, собственно, он знает? Только то, что ему внушит она, Ася. Да перестань она входить в мыслеобраз, он забудет ее через три дня, если не раньше. Выходит, и это знает не он, а она... Да, но как же любовь? Родство душ... Опомнись, дуреха, какое родство – ты сделала все это своими собственными руками от начала и до конца. Но ведь все вышло, как ты хотела? Да, но почему-то – хотелось не этого. Не этого... А чего? Того, чтобы он сам, чтобы не я... Что же выходит? Стоит желаниям сбыться, как оказывается, что они были нам не нужны? Или нужны – но только не в таком виде? И если мы что-то делаем сами вместо того, чтобы дожидаться подарка от вышних сил, это что-то получается вовсе даже не тем, чего нам хотелось...

– Навязался мне тогда со своим Даром, – злобно вспомнила Ася старичка. – Вся жизнь из-за него поломалась.

И тут же устыдилась. Вспомнила, как говорил, предупре-

ждал старичок: «Не используй во зло. Думай, прежде чем сделать.» А она? Сама во всем виновата, нечего теперь злиться. Но ведь она не хотела зла – хотела как лучше. В первую очередь себе самой, конечно, но все равно... Что-то, значит, она недоглядела, недодумала...

– Ну ничего, – горько усмехнулась Ася сквозь слезы. – Возможностей для медитации у меня теперь будет выше головы.

В квартире Таковецкого она быстро покидала в сумку свои вещи, поразившись попутно, насколько их оказалось мало – а ведь она прожила здесь несколько месяцев... Аккуратно собрала и упаковала компьютер. Никаких записок писать не стала. Положила на зеркало в прихожей ключи и мобильный телефон, захлопнула за собой дверь, вышла на улицу в сырую темноту – и только тут поняла, что идти ей, собственно, некуда.

Пробродивши по холодным улицам с полчаса – а может быть, и дольше, на часы она не глядела, промерзшая насквозь Ася поймала такси и поехала к родителям.

Мачеха, несмотря на поздний час и появление без предупреждения встретила ее неожиданно радушно. Ни о чем не расспрашивая, помогла поставить вещи, загнала под горячий душ и заварила кофе. Когда Ася потом зашла в свою бывшую комнату, там ее ожидала расстеленная постель.

На следующее утро, оставшись с мачехой наедине, Ася – снова неожиданно, теперь уже для самой себя, не стала про-

никать в ее мысли, а просто по-человечески рассказала ей свою историю. Не всю, конечно, а в сильно упрощенном виде, но тем не менее. Так откровенничать с мачехой ей до сих пор не приходилось. Та слушала, согласно кивала, а под конец сказала:

– Асенька, детка, я понимаю, это тяжело и неприятно, но мне кажется, зря ты так-то уж убиваешься...

– Да как же, – вскинулась Ася. – Что у меня осталось? Жить негде, работы нет, денег тоже, любовь... – Тут она заплакала.

Мачеха помолчала, подождала, пока Ася затихнет.

– Ну, жить ты всегда можешь здесь. И деньги у тебя есть...

– Откуда? – подняла глаза Ася. – Я ваши не возьму.

– Не наши, дурочка. Свои. За твою квартиру. Она же как сдавалась, так и сдается, а ты с нами сколько уж не живешь. Я все складывала. Можешь взять. Там не так много, но на первое время тебе хватит, а там ты на работу опять устроишься, специальность у тебя никто не отнимал.

Ася задумалась.

– Скажите, а квартира... Я бы могла сама в ней жить?

– Конечно. Надо только жильцам за две недели сказать, чтоб съехали, и пожалуйста. Уж две-то недели ты с нами проживешь?

Две недели растянулись на месяц, но и он в конце концов прошел, и Ася впервые в жизни зажила совершенно самостоятельно. Это оказалось гораздо сложнее, чем она себе

представляла – надо было думать о множестве совершенно неожиданных вещей. И вещи эти, даже будучи совершенно незначительными, требовали заботы и внимания. Казалось бы, такая мелочь – перегоревшая лампочка в прихожей. Ася никогда в жизни нее обращала на нее внимания, а тут оказалось, что если не купить ее вовремя и не вкрутить при свете дня, вечером будет трудно раздеться, войдя в квартиру. Все это, безусловно, отвлекало от грустных мыслей. Да и вообще, жизнь брала потихоньку свое. Пришел момент, когда Ася созрела для поисков новой работы.

Ася начала с покупки газет с объявлениями. Вообще-то можно было поискать в интернете, но Асе почему-то было противно. Газеты, в общем, тоже были противны, но как-то меньше. А вот компьютер и все с ним связанное вызывало сильное раздражение.

Может быть, именно поэтому она не стала читать в газете объявления про работу для программистов, а уткнулась в первое попавшееся место. Приглашали поваров, парикмахеров, психологов. Ася поморщилась, перевернула газетный лист. Нуждались в услугах шофера с машиной, няни, психотерапевта. Опять перевернула – психотерапевт, психолог, менеджер по персоналу. Господи, да что все, с ума посходили, сколько же нужно этих психологов? И тут ее осенило.

А она сама-то? Со своим Даром? Ну, чем не психолог. В крайнем случае – психотерапевт. Своя жизнь не вышла, надо чужие попробовать починить.

Ася, как человек обстоятельный, подошла к делу серьезно, купила и прочла штук пять книжек по нужной теме. Неожиданно легко преодолев отвращение, залезла-таки в интернет и почитала всякого там. Решившись, дала объявление в ту же газету. И стала ждать.

Первым ее клиентом стала молоденькая девица холеного вида, жалующаяся на постоянные ссоры с мужем. Девица не работала, отчаянно скучала, мужа видела редко, от скуки устраивала ему скандалы, при том страшно боясь, что он не выдержит и уйдет от нее, от страха скандалила еще сильнее...

Ася выслушала все это, вздохнула, привычно взглянула клиентке в глаза, настроилась, расслабила мысли... Через полчаса заметно успокоенная девица направлялась к выходу, оставив Асе стодолларовый гонорар и строгое указание явиться через три дня на повторный сеанс.

Через три дня клиентка вернулась, как на крыльях. Это были три первые спокойные дня в их семейной жизни. Она отрекомендовала Асю своим подругам – просто удивительно, сколько в мире оказалось скучающих дамочек с дурной головой... Клиентки пошли косяком.

Через месяц за дамочками потянулись уставшие от жизни солидные бизнесмены – асина репутация росла и крепла. За бизнесменами встали в очередь звезды эстрады – Ася попала в модные врачи. За визит она брала теперь не меньше пяти сотен, и более двух клиентов в день не принимала. Есте-

ственным образом, расписание у нее теперь было составлено на месяцы вперед.

Раздался очередной звонок. Ася подняла телефон – надо бы, наверное, секретаря взять, звонков одних – никаких сил нет. В трубке мужской усталый голос сквозь неясное потрескивание – с мобильного звонил, не иначе – спросил, когда можно записаться к ней на прием.

– Что вы, – вежливо ответила Ася. – У меня на три месяца все занято.

– Мне очень нужно, – сказал мужчина. – Мне вас рекомендовал Такой-то, говорил – вы чудеса творите.

– Спасибо, конечно, но правда – совсем нет времени.

– Вы были моей последней надеждой, – вздохнул мужчина.

Асе стало его жалко.

– А что с Вами? Может быть, вам ко мне и не надо? Или я кого-то еще посоветую, – предложила она.

– У меня ушла... мм-м... ну, в общем... жена, – был ответ. – Больше, чем полгода назад. И я до сих пор не могу прийти в себя. Понимаете, – голос заторопился, видно было, что тема крайне болезненна для собеседника. – Мы жили с ней душа в душу, просто, как один человек. Не ссорились никогда, ничего. Она для меня была – все. И вот, в один прекрасный день, я прихожу домой – а ее нет. Ни записки, ни слова. Только телефон и ключи.

– Какой телефон? – Не поняла Ася.

– Ну, знаете, мобильный. Она нарочно его оставила, чтобы я не звонил. И пропала. Ни слова, ничего. Мне очень плохо. Я ходил уже и к врачам, пил таблетки дурацкие, и к этим... Экстрасенсам, черт их дери. Мне про вас говорили – чудо. Помогите мне, я не могу больше так.

Надо же, какая любовь, – подумалось Асе. – Бывает же у людей. Даже завидно, надо помочь человеку. Заодно хоть поглядеть, как такое бывает. В сущности, найти время для одного – не проблема. Ну, придет завтра три клиента, ничего страшного.

Вслух же она сказала:

– Хорошо. Я поглядела расписание – у меня, кажется, есть возможность принять вас через три дня. Это будет пять вечера, вам удобно?

– Конечно, – обрадовался голос. – Спасибо вам большое. Я непременно приду.

– Скажите мне, как вас зовут, – потребовала Ася. – Я должна записать.

– Сергей Таковецкий, – ответил ей голос в трубке.

Старый дом

Игоря Мальцева погнали со съемной квартиры. Не в первый раз погнали, в третий за полтора года. Пришла, как водится, хозяйка за деньгами, он ей отдал чин чином, а она – глазки в пол, и пожалуйста. Мол, дети внезапно приезжают, селить совсем негде, она извиняется, но нельзя ли к концу месяца квартиру освободить. А то он, Игорь, первый день на свете живет. Знает он, какие дети к ней приезжают, да еще так внезапно. Стерва. Он, конечно, тут же предложил ей квартплату прибавить, но она ни в какую. Освободите, говорит, мне пожалуйста квартиру к концу месяца, и все тут. И что будешь делать?

Игорь в принципе понимал, что жилец он, мягко говоря, неидеальный. Ради свободы и самовыражения, и чтобы воспитывали меньше. Он взрослый человек, как хочет, так и живет. Да, убирается редко, даже очень редко – так что? Ему так удобно, а тараканов он прокормит, чай, не чужие. Да, приходит поздно с работы, да, музыку по ночам слушает громко. А когда ему еще ее слушать? Пока пришел, пока то-се, что же – и не расслабиться после рабочего дня? И девушек он водит, это естественно. Нормальный, здоровый тридцатилетний мужик, а что бы вы хотели? Чтоб он мужиков водил? Еще неизвестно, что лучше. Зато он платит аккуратно, день в день. И не так уж мало, между прочим – три сотни в месяц за

эту халупу. Вообще-то глупо, если вдуматься, деньги просто так расшвыривать, давно надо было свою хату купить. Тем более – если с квартиры все равно раз в полгода стоняют.

Игорь все это и раньше понимал, и на квартиру понемножку копил. Даже специальный счет в банке держал накопительный. Но получалось именно что понемножку – деньги так и норовили проскользнуть мимо счета и раствориться. Хотя, конечно, сколько-то все равно оседало. Если, в крайнем разе, еще машину продать... Машина у Игоря была хорошая, почти новая – он за нее двадцать штук выложил, как копеечку, не пожлобился. Если продать, конечно, столько не получишь, но все-таки. Хотя и жалко до ужаса. Но ничего, думал Игорь, надо зайти в агентство, поговорить, может, еще и так обойдется. А идти так и так придется – по любому надо новую хату искать.

Не обошлось. В агентстве Игоря не обрадовали. Во-первых, цены на съем за последнее время резко подскочили, и теперь за такие деньги снять можно было только где-нибудь уж совсем на окраине, у кольцевой дороги. А если ближе к городу, то только комнату, в крайнем разе – однушку без мебели, что Игоря категорически не устраивало. Он не студент убогий, а приличный человек, может и жить по-человечески. С покупкой было и того хуже – даже если продать машину, даже если набрать долгов, все равно купить что-то божеское за выделенный хозяйкой месяц не удавалось никак. Либо ту же халупу на окраине, либо сильно дороже – ни то, ни другое

Игорю не каналю. «Если б полгода, – уныло говорила девица в агентстве, – еще можно было бы что-то поискать». Но на лице ее читалась такая тоска, что видно было – дело безнадежное. Комиссионные при этом агентство брало вовсе не шуточные.

Игорь, слушая все это, тоже затосковал. От тоски не стал пока заключать договор на поиски квартиры. Может, в другом агентстве повеселее пойдет, а может – еще хозяйка уговорится, сменит гнев на милость. Ну, пообещает он ей не шуметь вечерами, ну, уборщицу какую-нибудь наймет – может, полгода еще и выторгует. А там посмотрим.

Но обломалось и то, и другое. Хозяйка отказалась наотрез, а в другом агентстве и комиссионные были выше, и девица еще тоскливее. Она на Игоря смотрела вообще как на нищего, даже в базу данных не взглянула. В довершение всего Игорь, расстроенный всеми этими жилищными проблемами, отвлекся на дороге и неудачно вписался в поворот. В результате – разбитая фара и мятое крыло. На работе упорно зависал новый проект, начальство от злости бегало по потолку и грозило всех уволить к черту. За это, допустим, Игорь не очень переживал, но то, что ни премии, ни прибавки в ближайшее время не предвидится, было ясно. На улице стоял ноябрь со своей унылой погодой, с неба сыпался не то дождь, не то снег...

Игорь курил уже третью сигарету подряд, стоя в курилке под лестницей. Курить на рабочих местах программистам

запрещало начальство – выпендривалось перед иностранными партнерами. Настроение было поганым; возвращаться к компьютеру не хотелось – скажи ему кто-нибудь неделю назад, что его будет тошнить от вида любимых прежде расчетов на экране, он бы послал такого, и долго смеялся, а вот поди же... Закурить, что ли, еще одну? Игорь глянул – в пачке оставалось две сигареты. Докуришь сейчас – придется на улицу в киоск скакать. Час от часу не легче.

Сверху по лестнице бодро зацокали каблучки, и в курилке появилась Ленка, девчонка из соседнего отдела. Симпатичная девчонка, Игорь даже клинья к ней подбивал пару лет назад, когда она только на работу пришла. Но что-то там не срослось, и с тех пор они просто приятельствовали, что, кстати, делало Ленке честь. Игорь вспомнил, что у Ленки была отдельная квартира, и в мозгу тут же заворочалась пакостная мыслишка, дескать, женился бы тогда, жил бы сейчас без проблем, как за пазухой...

– Привет, Игорек, – поздоровалась Ленка. – Как делишки? Игорь скорчил неопределенную гримасу.

– Закурить есть?

Игорь протянул ей пачку с двумя сигаретами. Ленка фыркнула.

– Фи, «Кэмел». Я лучше свои.

Вытащила из сумки длинную «Еву», затянулась.

– Так как дела-то? Ты болеешь, что ли?

– С чего ты взяла?

– Да ты мрачный такой все время. Я тебя третьего дня видела – ты даже не поздоровался. Случилось чего?

– Ну-у...

Сперва неохотно, а потом как-то все больше втягиваясь, Игорь начал ругать судьбу. Сперва рассказал о проекте – и тут Ленка его активно поддержала, так как в ее отделе занимались логистикой и маркетингом, и проект мимо них не прошел. От работы разговор плавно перетек в жилищные сферы. Игорь расписывал свое бедственное положение, а Ленка согласно кивала. Почему-то от разговора с ней Игорю становилось легче. С умным-то человеком всегда приятно поговорить. «Зря я на ней не женился. – Снова всплыла в голове та же мысль. – А может, еще не поздно? Тем более – подружки постоянной в текущий момент вроде не наблюдается. А Ленка – ничуть не хуже многих, и даже гораздо лучше...» Но тут Ленка, потушив окурок об перила, сказала:

– Я, конечно, ничего не обещаю, но мне кажется, твоей проблеме можно было бы помочь...

– Как? – Вскинулся Игорь, тут же позабыв о всех своих матримониальных планах.

– Понимаешь, у меня есть подружка, мы с ней в школе учились, а у нее мама...

– Я готов, – отозвался Игорь.

– Да ну тебя. Вечно вы об одном и том же... – отмахнулась Ленка, и продолжила. – Так вот, эта алкина мама, она занимается квартирами...

– Риэлтор, что ли? – сник Игорь. – Эка невидаль...

– Нет, ты дослушай. Она никакой не риэлтор, в том смысле, что она нигде не работает. Просто она это дело любит. Хобби у нее такое, понимаешь?

– Нет. Как это – хобби?

– Ну, она любит квартиры искать. И у нее классно получается. Она в свое время их с Алкой трешку паршивую, когда Алка замуж выходила, на две такие двушки разменяла – закачаться.

– Подумаешь. Если с доплатой, каждый дурак сумеет.

– Я про доплату не знаю. Если там и была, то небольшая совсем, у них с деньгами-то не особо. Она эти квартиры целый год искала.

– Ну, видишь – год. А у меня меньше месяца осталось.

– Так она за этот год научилась, и потом одним знакомым квартиру за месяц нашла. И мне тоже – недели за три.

– Подожди, ты что – переехала что ли?

– Ну да. Уж полгода.

– А новоселье зажала?

– Угу. Муж нервный, ревнивый, я решила не связываться.

– Погоди-погоди. Какой муж? Ты что, замуж вышла, что ли?

Вместо ответа Ленка неприлично громко заржала. Что, очевидно, означало утвердительный ответ.

– Ну ладно, кончай ржать-то. Ну, не уследил, бывает. Что там с этой мамой-то твоей?

Кончив ржать, Ленка пожала плечами и продолжила, как ни в чем не бывало.

– Да, собственно, все. Если хочешь, могу позвонить ей и спросить про тебя. Может, что и получится.

– А сколько она берет?

– Не знаю.

– То есть – не знаю? Она же тебе помогала.

– С меня она нисколько не взяла. Говорит – я тебя с детства знаю, я рада тебе помочь. А ты человек посторонний, так что неизвестно. Но в любом случае, наверняка меньше, чем в агентстве. Что ты теряешь-то? Так я Алке звоню?

Спустя три дня Игорь стоял на лестничной площадке аккуратного кирпичного дома сталинской застройки в Сокольниках, и, слегка волнуясь, нажимал на кнопку звонка. Под мышкой у него торчала большая коробка конфет, а в голове вертелись нужные слова:

– Я Игорь, от Лены, подружки вашей дочери. Она говорила, ее дочка с вами разговаривала...

Все эти дочери с подружками почему-то так и норовили перепутаться друг с другом, и Игорь сбивался. От этого он злился, а от этого сбивался окончательно. А самое глупое было то, что он все эти слова уже говорил – в телефон, когда договаривался о встрече, и невидимая собеседница тихим голосом ему тогда же объяснила, как сюда попасть. Так что сейчас, по идее, говорить надо было бы совсем другие слова,

а в голову лезли только эти, и... Какие к черту дочери, ему квартира нужна, а он тут время теряет...

Послышался звук шагов, скрип замка, дверь открылась. Появилась пожилая, невысокая, какая-то очень уютная тенька с пуховой шалью на плечах. На специалиста по недвижимости, каким его представлял себе Игорь, она не походила ни в малейшей степени.

– Здравствуйте. Вы Игорь? Я Ольга Петровна. Проходите, пожалуйста.

Усилием воли подавив в себе желание соврать, что он ошибся дверью, развернуться и убежать, Игорь послушно зашел, разделся, впихнулся в тесные войлочные тапочки, вручил хозяйке опостылевшую коробку конфет, выслушал ее смущенные охи и ахи...

– Ну что вы, ну зачем вы... Пойдемте тогда пить чай.

И Игорь шел на кухню, послушно ждал, пока через сто лет закипит не электрический, а самый обычный жестяной чайник на газовой плите, отвечал на дурацкие расспросы о Леночке и работе, выбирал к чаю лимон с вареньем, и злился, злился.

Наконец чай был выпит. Ольга Петровна убрала со стола, протерла клеенку тряпочкой, села напротив, устроила подбородок в ладошку, внимательно помотрела на Игоря и сказала каким-то совсем другим, строгим и деловым голосом:

– Ну ладно, давайте приступим. Какие ваши условия?

– Чего? – не понял Игорь. Перемена, произошедшая в

Ольге Петровне, случилась как-то очень уж неожиданно.

— Какую квартиру вы хотите? — пояснила она все тем же тоном. — Сколько комнат, метров, в каком районе, почему...

Игорь, который все не мог поверить, что скромная тетушка может вот так, за минуту, превратиться в деловую даму, попытался ответить. Беда была в том, что он и сам не очень-то понимал, что ему надо. Квартиру, двухкомнатную, недалеко от работы, чтоб езды даже по пробкам минут двадцать, чтоб недорого. Хотя, если машину продавать, то пробки — это неважно, а важно, чтоб рядом было метро, пусть хоть и с пересадкой. В общем, Игорь сбивался, путался, но Ольга Петровна не фыркала, как девицы в агентстве, и не смотрела, как на убогого, а спокойно и доброжелательно его слушала, не торопила, даже записывала что-то в невесть откуда взявшуюся затрепанную ученическую тетрадочку. В результате у Игоря наконец получилось описание желаемой квартиры, да так ясно, как он, пожалуй, до сих пор и сам себе не представлял.

Двухкомнатная небольшая квартирка, в северном конце Москвы, но не очень далеко от центра, хорошо бы, чтоб от метро — пешком, а дом чтоб лучше кирпичный, но это не так уж и важно, и главное — чтоб уложиться в бюджет, и хорошо бы, чтоб машину все-таки не продать, и... Главное, Ольга Петровна не только добилась от него подробного описания, она заставила его еще и лестницу приоритетов выстроить — что важно, а что не очень, и чем можно пожертвовать, если

что.

Потом она покивала головой, что-то еще покалякала в своей тетрадочке, хмыкнула.

– Так, так. Ну что же. Все мне понятно. Сейчас будем смотреть.

Интересно, как она собиралась смотреть? Никакого компьютера с базами данных Игорь поблизости не находил. Впрочем, больше его удивило даже не это, а то, что Ольга Петровна вовсе не считала его вариант чем-то несбыточным.

– А что? – даже переспросил он. – Такое можно найти?

– Вполне, – спокойно отозвалась Ольга Петровна.

– А мне в агентстве сказали – такого не бывает, – не выдержал Игорь.

– Они вам скажут, – Ольга Петровна чуть презрительно махнула рукой. – Им просто возиться неохота. Квартира небольшая, денег у вас лишних нету, значит, много не переплатите, квартирку искать надо – вот им и неохота. Но это даже и неплохо, что они отказались, а то стали бы вас таскать по адресам, то, что нужно, все равно бы не нашли, вы бы устали, и купили, что попало. Ладно, что тут говорить – давайте лучше вашу квартирку смотреть.

Ольга Петровна встала, вышла из кухни и вскоре вернулась, неся с собой пачку газет с объявлениями и толстенный потрепанный том, оказавшийся при ближайшем рассмотрении подробным атласом московских улиц. Ольга Петровна зажгла маленькую лампочку над столом, придвинула к себе

атлас...

Казалось, книга сама знает, чего от нее хочет хозяйка. Страницы раскрывались в нужном месте еще до того, как она начинала их листать. Ольга Петровна ласково проводила пальцем по ниточкам улиц, бережно касалась отдельных домиков и тихонько приговаривала себе под нос:

– Так, вот место неплохое, но на эти дома цены сейчас сильно выросли... Тут можно было бы, но дом старый, через пару лет капремонт начнут делать, да с выселением... Это хороший дом, там только над вторым подъездом трещина по фасаду до крыши, а в третьем мусоропровод всегда забитый. Здесь на четвертом этаже пожар был, не годится... А вот здесь ничего... И это можно... Так, все понятно. Теперь посмотрим, что же у нас в наличии...

Ольга Петровна отодвинула книгу подальше, взяла кипу газет и зарылась в нее, зашуршала страницами.

Игорь смотрел на нее во все глаза. Куда только делась уютная старушка! Сейчас перед ним сидела даже не бизнес-ву-ман, нет, эту женщину можно было бы назвать ведьмой – мешало только то, что они злые, а Ольга Петровна даже сейчас оставалась доброй. И колдовского, в общем-то, ничего не было, просто... Не ведьма, не колдунья, а... Как же это называется, когда человек вот так... В памяти всплыло откуда-то почти неизвестное слово «волхв». Точного значения его Игорь не знал, но по общему смыслу оно очень подходило к наблюдаемой им картинке. Ольга Петровна была волх-

вом! Точно.

Пока Игорь боролся со своим словарным запасом, Ольга Петровна закончила волхвование, вернее, чтение газет. Отчеркнула ручкой парочку объявлений и вытащила откуда-то из-под платка маленькую трубку радиотелефона.

– Смотрите, Игорь, вот и вот, какие квартирки симпатичные. Мне кажется, примерно то, что нужно. Сейчас прозвоним, и можно будет поехать посмотреть.

– Как, уже? – не поверил Игорь. – Так вот сразу?

– Конечно. А чего тянуть? Есть время – поехали, посмотрели. А если тянуть – квартиру другие уведут.

– А что потом?

– Потом, если квартира вам нравится, оставляете хозяину залог, вроде аванс, и начинаете готовить бумажки на оформление. Потом можно к нотариусу идти, а можно – без него, в жилрегистрацию. Это дольше, но зато дешевле.

– А дольше – это сколько?

– Оформление примерно месяц, да пока бумажки соберешь.

– А какие нужны бумажки?

– Вам-то никаких, только деньги. Это хозяин квартиры собирает бумажки, а вы просто своему риэлтору говорите.

– Риэлтору? – Испугался Игорь, успевший решить, что этих вредных стяжателей в его жизни больше не будет. – А зачем?

– Ну как же? Надо же проверить, чтобы с квартирой все

в порядке было, все выписались, ни детей, ни пенсионеров не осталось. Это, конечно, и самим можно, через милицию, через ЖЭК, но с риэлтором – проще. У меня девочка есть знакомая, я всегда к ней обращаюсь. И потом с деньгами, когда отдаешь, с ячейкой банковской. Но вы не волнуйтесь, – Ольга Петровна улыбнулась. – Это уже совсем другие деньги стоит, гораздо меньше. Просто сумма фиксированная, а не процент. И в любом случае, когда квартиру сам находишь и с продавцом договариваешься, ножиц же нет.

– Ножиц?

– Ну это когда для продавца в агентстве одна цена, для покупателя – другая. А разница идет агентству. Бывает, тысяч до десяти получается. Если, конечно, квартира дорогая. Но это не про нас. Ладно, давайте звонить? У вас, если что, деньги-то с собой?

– Сразу все? – испугался Игорь.

– Нет, конечно. Залог оставить, тысячи две-три.

– С собой нет. А вообще есть, конечно. Только в банк надо будет по дороге заехать. Ольга Петровна, – Игорь никак не мог поверить в происходящее. – Так что же, прямо может быть, я сегодня уже и договорюсь?

– Вообще-то, – вздохнула Ольга Петровна, – у меня газета позавчерашняя. Вполне может быть, что уже и ушли наши квартирки. Но это не страшно. Я тогда завтра прямо с утра пойду, куплю новую газету, и буду звонить. И послезавтра. Так что найдем, не волнуйтесь.

– Ольга Петровна, – Игоря посетила гениальная, на его взгляд мысль. – А можно, чтобы вы тоже... Ну, посмотрели со мной эти квартиры? – Тут его посетила другая мысль, и он поправился. – В смысле, что я, конечно... Все затраты... И вообще – сколько я вам буду за все должен? Я все заплачу.

– Ну, пока вы мне ничего не должны, – спокойно ответила Ольга Петровна. – Газета у меня своя была. Вот куплю новую, она рублей пятнадцать стоит, захотите – вернете. А ездить я, извините, не смогу, мне тяжело. Тем более – в северный конец с пересадками. Если б еще тут, рядышком... Вот когда подберете, тогда да, один раз я могу с вами съездить, а все смотреть – это уж нет. Да справитесь, ничего страшного тут нет. Ну что, звоним?

И хотя обе квартиры оказались, как Ольга Петровна предупреждала, уже снятыми с продажи, Игорь совсем не огорчился. На улицу он выбежал радостным и легким, каким давно себя не чувствовал.

– Вот покончу с квартирой, – говорил он себе. – Куплю Ольге Петровне что-нибудь... Что-нибудь классное! Это надо же, лапочка: «За газету отдашь». Да я... Да я... Вот будет хата – Ленку спрошу, что ей лучше купить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.